

* * *

Я огорошен звёздным небом,
Как откровением лица —
Такая грусть, такая небыль
И неразменность до конца.

И лишь дрожащую улыбку
Пошлёт на землю через гладь
Звезда, упавшая затылком,
И жалко, некому поднять.

Я огорошен, я доверчив.
Так чудно ясность воспринять,
А этот мир — он так заверчен,
Что до истоков не достать.

Я будто тронутый немного
С рожденья Господа рукой,
Землёю мучусь, как тревогой,
Болезнью болен лучевой.

Ударясь в грязь, не плакать слёзно.
Что одинок — к чему пенять.
Да что там, падают и звёзды,
И тоже некому поднять.

Москва, 1967

* * *

Ветер красной играет листвою,
Словно карты краплёные мечет,
И берёзы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи.

Звон протяжный не молкнет в висках.
Может, праведна кровь — я не знаю.
Так к отбою звонят в лагерях,
Ржавой рельсой над зоной бряца.

Только это не крик и не страх,
На словах и стихах не клянутся.
Просто я в подмосковных лесах,
Мне сюда никогда не вернуться.

Москва, 1975

ВЕНЕЦИЯ

Я всё твержу — душа бы не иссякла,
Вся исковерканная в судоргах дорог...
Гадайте по созвездьям Зодиака!
И обивайте, дни свои оплавав,
Порог щербатый Млечного пути...
На карту всё и душу в лоскуты.
Загадывайте ночи напролёт! —
Паденье звёзд удачи не несёт...
Я ветреной Венеции поклонник,
Дивлюсь дворцов фасадам и дворам,
Но над душою призрак дней неволи,
Застывшие в молчаньи колокольни,
Иконы, обращённые в дрова.

Париж, 1979

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

*...А за окнами снег, а за окнами белый мороз,
Там бредёт моя белая тень мимо белых берёз.*

Александр Галич

На панели играет скрипка,
То как всхлипнет, а то как вскрикнет,
И последний пятак французский
Дам я парню в разорванной блузке,
Ибо если б в смычок ударил
Он в моей дорогой стране
(Без досмотра и всяких правил),
То его бы конвой заставил
Встать как водится — по струне.

I

— Где же брат твой? — спрашивали Каина...
Ну а если, скажем, спросят нас,
Где могилы братья неприкаянной,
Что делила с вами горький час?

Что нам шум реклам и телекамеры,
Что вернуться к прошлому запрет,
Ведь о многих даже и не знаем мы,
Есть у них могилы или нет.

Лишь хрипит гармонь про жизнь счастливую:
Слаще спать, мол, без могильных плит...
Как слеза скупая, молчаливая,
Безъязыкий колокол дрожит.

В чащах ели ветром зимним сближены,
Лижут лапы, фыркая во тьму,
И везут этапом светлокнижников
Через «Пресню Красную» в Потьму.

II

Душа бредёт по мутным снам,
Как бы по лужам по осенним...
По воскресеньям в Нотр-Дам
Играют Баха во спасенье.

И раздувает звук орган,
И окрылён листвою ветер.
Но листья падают к ногам,
И бьёт закат по крышам плетью...

Среди непризнанных могил
Могила барда есть в предместьи.
Он жил — как пел, и пел — как жил,
И даже смерти не заметил.

Как песни звук по облакам,
Аккорд гитары оборвался...
Играют Баха в Нотр-Дам —
— Того, что Галичу являлся.

P. S.

Знаю — разговоры между пройдами:

«Вот уехал и погиб уже».

Лучше умереть вдали от родины,

Чем прожить без родины в душе.

Париж, 1978

* * *

Спасти́сь стараясь от маразма,

Который крепче, чем мороз,

В России пьют отнюдь не праздно,

А деловито и всерьёз.

Москва, 1966

* * *

Мне мнилось — будет всё не так.

Как Божья милость, наша встреча.

Но жизнь — как лагерный барак,

Которым каждый изувечен.

Мне мнилась встреча наша сном,

Чудесным сном на жёстких нарах,

Кленовым трепетным листком,

Под ноги брошенным задаром.

Но ветер кружит серый снег

По тем полям, где мы бродили,

По тем краям, где мы ночлег

И место встречи находили.

Моё пустое ремесло —

Слагать слога и строить строчки...

Пусть скажут — в жизни не везло,
Все обещания бессрочны.

Пускай грехи мне не простят —
К тому предлогов слишком много,
Но если я просил у Бога,
То за других, не за себя...

Париж, 1982